

Александр ЗБРУЕВ:

ДУША СПОКОЙНА,
КОГДА ЕСТЬ РАБОТА

Его голову почти не тронула седина, и лицо не изрезали глубокие морщины, хотя Александру ЗБРУЕВУ только что исполнилось 65. Мы знакомы уже больше 10 лет, а он внешне почти не изменился. Збруев вроде бы похож на всех сразу, как считают критики, и в то же время его лицо не спутаешь ни с каким другим. Збруева узнают везде и сразу. У него все та же запоминающаяся улыбка, на которую невольно отвечаешь, потому что улыбаются у него прежде всего глаза. Но только взглядевшись, тут же ощущаешь, что грусть в них стала еще глубже. Хотя... Когда заговариваешь с ним о женщинах и о любви — они тут же вспыхивают и переливаются огоньками страсти.

— Когда меня спрашивают: "Что для вас женщины?" — теряюсь, не зная, что ответить. Да все! Жизнь, кислород, кровь... Все, что мы, мужчины, делаем в этом мире, — делаем для Нее, во имя Ее.

Любовью освещена вся его жизнь: она соединила его родителей, разрушив узы предыдущих браков обоих. Она помогла ему появиться на свет, а его матери — Татьяне Александровне — перенести арест мужа, его расстрел, многолетнюю ссылку и вырастить двоих сыновей (старший брат Александра Збруева — Евгений Федоров — тоже актер). Кстати, если подсчитать, добрая половина ролей, сыгранных Александром Збруевым в театре и кино, будет тоже о любви. Однако Судьбе было угодно, чтобы жизнь этой Любви на земле не была безоблачной...

Еще совсем недавно такую родословную приходилось скрывать, поскольку уходила она корнями в старомосковское дворянство. Отец его матери был адвокатом с очень солидной практикой и клиентурой.

— Рассматриваешь их старые, на толстом коричневом картоне напечатанные фотографии с подписями: "Фотограф двора Ее Величества..." — и даже не веришь, что все эти люди, одетые в сюртуки и платья с кружевными оборками, — мои родственники, — рассказывает Александр Збруев. — Или вот моя мама, еще совсем маленькая девочка, — ученица гимназии... Какой-то другой, неведомый мир, и все это меня, к сожалению, уже вроде бы совсем и не касается.

Его мама окончила высшие актерские курсы при кинофабрике Чайковского. Она даже успела сняться в нескольких немых кинофильмах... Когда же вышла замуж за Виктора Збруева, оставила актерские притязания и посветила себя семье. Жили они в огромной 5-комнатной квартире на Арбате. Виктор Алексеевич занимал высокие посты: сначала служил в Совнаркоме, в отделе по борьбе с экономическими преступлениями, имел именную маузер, подаренный Дзержинским, хотя являлся чистойшей кровью интеллигентом. Потом был заместителем наркома связи. В 1937 году над семьей Збруевых разразилось ненастье: Виктор Алексеевич арестовали. Через несколько дней он был расстрелян. Суд длился 15 минут. А Татьяну Александровну вместе с крохотным Сашей сослали в Рыбинск.

— Как ни странно, но я очень хорошо помню, как мы жили в Рыбинске в совершенно нечеловеческих условиях — в крохотной комнате, которая отапливалась буржуйкой. Помню, как на улице (наверное, у меня был безумно несчастный вид) ко мне подошел незнакомый дядька и сказал: "Хочешь пряник?" Я кивнул и получил этот самый пряник.

Помню мамину подругу Анну Ефимову — бывшую актрису Ленинградского кукольного театра. С ее сыном Гарриком мы дружили. Однажды зимой бегали-резвились и провалились в колодезь. Он-то выбрался, а я оказался там очень глубоко. Смутно сохранились в памяти какие-то голоса, женский истеричный крик. Меня, теряющего сознание, вытащили... И знаете, несколько лет назад, когда "Ленком" был на гастролях в Америке, я встретился с Анной Ефимовой и с Гарриком, который стал писателем. У него свое небольшое издательство. Как будто снова в детстве очутился. Только вот мамы уже давно нет в живых...

— А каким было возвращение в Москву?

— Это был, по-моему, 1944 год. Наша бывшая квартира стала коммуналкой. Кстати, мое детское воинствующее хулиганство, я думаю, было подсознательной защитой от всей этой несправедливости. Мы ведь жили в квартире, из которой уводили на расстрел отца. Маму, наверное, спасало от тяжелых воспоминаний то, что она работала на заводе, ее дома не было целыми днями.

— И кто ж занимался вашим воспитанием?

— Как кто? Улица!.. Школу я не любил, дворово-уличная атмосфера нравилась мне гораздо больше. Меня угнетала замкнутость школьного класса, заорганизованность и требования дисциплины со стороны учителей...

— Могли себе представить, как шпыняли вас в школе за отца...

Чеманцева Татьяна За
Калужской заставой
Збруева, Александра, любви и
жизни!
А. Збруев

— Я, конечно, об отце никогда не рассказывал. Но рано или поздно все всплывало. И начиналось: "Как его приняли в пионеры? Исключить, выпнать из школы!" Самыми счастливыми были мгновения, когда почти весь класс оставался на комсомольское собрание, а я уходил на улицу. Хотя бывали в школьной жизни и приятные моменты, когда нам всем на переменах давали горячие булочки или пирожки. Или вдруг выдали ордер на бесплатное получение пальто. После чего мы пришли на занятия все в одинаковых пальто, которые были на несколько размеров больше — на вырост. Но чаще всего я сбегал с уроков, чтобы погонять с дворовыми друзьями в футбол. Эти игры зачастую заканчивались дракой... Товарищи в основном были старше меня, многие потом попали в тюрьму. Я, кстати, тоже не был пайкой...

— Маму не настораживало такое времяпрепровождение и это влияние улицы?

— А у нее не было возможности со мной заниматься. И на меня частенько приходили жаловаться то соседи, то милиция. Ну, ругала она меня. Могла подзатыльник влепить. Но никогда не била. Даже когда меня поймали на мелком воровстве...

— Да ну?! Расскажите!

— Совсем еще маленьким я зашел в комнату к соседским девочкам и увидел там на столе комок бумажных денег. Схватил их, спрятал в карман и убежал. Когда обнаружился пролажа, меня сразу же вычислили. Вот тогда мне очень сильно поало: брат на меня кричал и даже врезал. А мама молча взяла меня за руку и куда-то пошла по своим делам. Мы шли по улице, а она громко, чтобы все вокруг слышали, меня отчитывала: "Вот сейчас я тебя этому миллионеру сдам, раз ты такой ворюшка растешь! И тебя увезут, и домой больше никогда не вернешься". Потом обрадовалась к миллионеру, мол, заберите этого плохого мальчишку. Я же что есть мочи голосил: "Мама! Не надо! Что ты делаешь?! Я больше никогда не буду!.."

— Однако улица всегда была опасна еще и алкоголем...

— Это мы тоже проходили... Помню, зашли с ребятами к кому-то домой, а там на кухне сидели старшие, вернувшиеся из заключения, и пили водку. Ну и нам-малолеткам по стопочке налили. Раза по три рванули мы за компанию, а потом мне стало плохо. В другой раз отравился в пионерском лагере. Когда мы с ребятами ватагой где-то раздобыли денег и купили водку. И я выпил стакан, а потом на обеде меня так развезло, что я опрокинул тарелку с супом, выскочил на улицу и... В общем, мне было настолько плохо, что я с алкогольными экспериментами завязал.

— И все же по сколькой дорожке вниз вы не скатились, более того, пришли к славе и популярности.

— Наверное, не дали тому случиться какие-то гены и внутренние стержни. Наверняка сыграл позитивную роль пример старшего брата. К нему в гости актеры очень часто приходили, и мне среди них было интересно. Когда мы только приехали с мамой из Рыбинска, пришли на спектакль вахтанговского театра "Кому подчиняется время". Это было мое первое посещение театра. И наравне с дворово-уличной жизнью у меня было еще и это — влечение к театальному искусству. Я днювал и ночевал в Вахтанговском. И знал наилучшее время его репертуара — ведь там играл мой брат. Хотя артистом стать я не собирался.

— А кем собирались?

— Да я как-то даже и не думал над тем, кем я буду. Хо-

тел как можно быстрее уйти из школы куда-нибудь в "ремеслуху", как все мои друзья. Кто-то учился на слесаря, кто-то на плотника, некоторые вообще были пацанами работали на заводах и получали какие-то деньги. И где-то в восьмом классе я тоже собрался уходить. Прогуливал уроки, сидя в кинотеатрах, по сто раз смотрел одни и те же фильмы — "Секретарь райкома", например, да и другие, где играли Ванин, Астангов, Ладынина, Жаров. Или фильмы о войне, такие, как "Малахов курган"... Или трагедии "Три мушкетера", "Индийская гробница".

— Тем не менее Судьбе было угодно, чтобы вы поступили после школы в театральное училище и чтобы еще студентом снялись в фильме режиссера Александра Зархи "Мой младший брат" по повести Василия Аксенова "Звездный билет".

— Для нас — Андрея Миронова, Олега Даля, меня, студента четвертого курса, — эта картина была как бы путевкой в жизнь. В той замечательной молодой жизни мы звали Аксенова "папа Вася", хотя он был не намного старше нас...

— А после окончания училища в 1961 году меня пригласил в труппу Театра Ленинского комсомола Анатолий Васильевич Эфрос. "Ленком" стал навсегда моим домом. Я сыграл на его сцене очень интересную роль Марата в арбузовской пьесе, много снимался в кино, например в фильме "Два билета на дневной сеанс". Потом были "Чистые пруды" и "Пядь земли"...

— А еще Григорий Ганжа из телесериала "Большая перемена".

— Там я играл человека, которого все любят, несмотря на его конфликтность. Когда снимали "Батальоны просят огня" — это были неподдельные болота и настоящий страх, что тебя сейчас затянет в трясину. Или когда гремит мощнейший взрыв, тебе бьет в лицо, куда-то зарываешься... Меня сбросила лошадь, я сломал руку и так снимался. Четыре месяца съемок — четыре месяца взаимправдашной войны. И абсолютно реальное внутреннее чувство: скорее бы победить, скорее...

Я много снимался, но у меня не было таких эпохальных картин, как "Летят журавли" или "Сорок первый". Хотя кое-что зрителю все-таки запомнилось. Наверное, с маминим молоком я впитал и мысли ее невеселые, и нервные потрясения... А трудные времена бывают у всякого человека. И у меня были простые, было и отчаяние... Ведь по сути своей актеры — трудоголики, совершенно не умеющие отдыхать. Душа спокойна только тогда, когда есть работа. Мне, чтобы снять усталость, надо работать в театре. А устав там, я думаю: скорее бы на съемочную площадку, вот там я и отдохну. Происходит переключение, понимаешь?

— Знаю, что вы никогда не ходили к начальству и не били себя кулаком в грудь. И звания получали гораздо позже, чем ваши коллеги, и в зарубежные поездки вас очень долго не выпускали.

— Ведь в ту пору очень многие были вообще невыездыми. В том числе и я.

— И когда же вас выпустили за рубеж?

— Это случилось очень для меня неожиданно. На фестиваль в Венецию ехала большая делегация кинематографистов. И каким-то образом я с ней проскочил. Возможно, потому, что я очень конкретно себя повел в одной скользкой ситуации...

— Какой?

— Однажды утром в квартире раздался телефонный звонок. Мужской голос сказал, что он представитель службы, о которой по телефону говорить не принято, и что ему хотелось бы со мной встретиться. Поняв, что это за звонок, я стал прикалываться: мол, какая еще служба? Голос стал убеждать, что встретиться надо обязательно, и предложил сделать это по дороге в театр. Мы встретились, и он прямым текстом стал предлагать мне поработать на эту организацию, мотивируя предложение моей общительностью, обаянием, отношением ко мне людей. Пытался заинтересовать ссудой для посещения ресторанов, для беспечной жизни... Если бы я в ту пору был еще арбатским шпаной с прямолинейным матерным сленгом, я бы его тут же очень далеко послал. Но в силу образованности и осторожности, благоприобретенной по жизни, категорично и резко отрезал, что из этой затеи ничего не получится — не к тому обратились. Мол, до свидания, тороплюсь на репетицию.

Тем не менее уже через короткий промежуток времени каким-то чудом я в составе огромной делегации выехал в Венецию. С одной стороны, парадоксально — я отказался от сотрудничества, а меня выпускают за рубеж. Но, когда вернулся, снова раздался звонок. И тот же голос напомнил мне о нашей встрече... "Помню-помню," — сказал я. И услышал в продолжение: "Вот вы уже и в Венецию съездили... Что-нибудь было там интересного?". И я стал разыгрывать спектакль о том, какой это потрясающий город, сколько там всего интересного!.. На этом история с моей вербовкой закончилась. Хотя нет, подходил ко мне похожий "товарищ" однажды и в театре.

— А вам что же, в партию вступать не предлагали?

— Да много раз! И хотя это было выгодно и из карьерных соображений, и для получения званий и регалий, ни на какие сделки я не шел. Оттого и не выезжал, оттого и не играл в театре годами. Я всегда самого себя откладывал на потом. Может, потому что москвич. У нас своя особая жизнь, некое государство в государстве. Люди приезжие врываются в наш мир, чтобы завоевать его, сделать карьеру. Они умеют пользоваться тем, с чем я давно свялся и уже перестал замечать. А может, у них больше энергии и дальности.

— Есть в вашем творчестве роли, которые вы считаете для себя знаковыми?

— Конечно. Сталин в "Ближнем круге" Андрея Кончаловского. То время я довольно хорошо чувствую и знаю: оно впиталось в подсознание. Тут не надо было гримировать душу — все понятно, и все ясно. И хотя центральные роли в "Ближнем круге" играли американские актеры, Кончаловский настоял на том, чтобы Сталина играл я. Он долго не мог найти актера на эту роль. Конечно, внешне я мало похож на Сталина. Мне сделали пластический грим, режиссер говорил, что у меня тот же рысий взгляд, что у вождя. Андрон — блестящий режиссер. Мне повезло — я дважды у него снимался. С ним работать и интересно, и нетрудно. Он ведет артиста, знает, что нужно. А для артиста это очень важно...

— Не понимаю, почему вы так мало играете в "Ленкоме".

— Думаю, на этот вопрос может ответить только Марк Анатольевич Захаров. Лично я тоже не могу этого понять. Может быть, я моложе того возраста, чем те герои, которых мне могут предложить. Может быть, в моем лице нет какой-то яркой социальной направленности. В нашей профессии, даже если у тебя популярное имя, все равно ты зависишь от режиссера.

— В этой связи актрисам советуют закрутить роман с режиссером или выйти за него замуж — и все будет в порядке...

— Но я другой ориентации, а женщин-режиссеров у нас в стране слишком мало...

Беседу велa Татьяна АЛЕКСЕЕВА
Фото Бориса КРЕМЕРА